

Нина Ягодинцева родилась в Магнитогорске. Выпускница Литературного института им. Горького, секретарь Союза писателей России. Автор 28 книг: поэтических сборников, монографий, учебников по литературному мастерству, а также аудиодисков и видеоуроков поэтики. Доцент Челябинского государственного института культуры. Ведёт литературные студию «Апельсин», молодёжную литературную мастерскую «Взлётная полоса» и Литературные курсы ЧГИК. Живёт в Челябинске.

Нина Ягодинцева **г. Челябинск**

В вечерней маршрутке прекрасны усталые лица.
За тёмным стеклом неподвижная улица длится.
Мобильник звонит, и слова приглушённо-неловки.
Сутулое время стоит на чужой остановке.

И снова лица его я разглядеть не успела –
Пока у кого-то мобильная песенка пела,
Пока доставали её из глухого кармана,
Маршрутка скользнула под ниткою меридиана.

Какое-то странное тайное благословенье –
Случайная близость дыханья и прикосновенье!
Мы все в одиночку прошли лабиринтами улиц –
Но вот собрались и плечами соприкоснулись...

Казалось бы, в тёмную коронабесную пору
Теряет душа равновесие, свет и опору,
И тянутся новости к горлу, убить угрожая –
Но как вы прекрасны, родные мои горожане!

Взглядом ловишь – а очи неймут:
Не собрать этой радостной дани
Лёгким щебетом праздных минут,
Чередой оправданий.

В мягком шелесте майской листвы,
Золотисто искрящем прибое,
Так светло – не поднять головы
В ослепительно голубое...

Но прихлынет холодная тишь
Из глубин этой праздничной сени –
И с пустыми руками стоишь
В гуще ярмарки у карусели,

Где на каждой лошадке – плюмаж,
Стременные золочены кольца,
Где бравурно заявленный марш
Всё не может никак успокоиться.

Всю ночь гудели самолёты
За тучами, над высотой.
Светились окна словно соты
С начинкой нежно-золотой.

В меду таинственном тонули
Заботы и печали дня,
Но небеса стояли в гуле
И острых высверках огня.

Тянуло дымом от окраин –
Горел весенний сухостой.
Вся ночь была печальным раем
С начинкой нежно-золотой.

И в этой ласковой печали
Казался гул ещё острее...
И долго свет не выключали
Во тьме грядущих новостей.

Из апреля оглянись: что там зимник – всё ли прочен?
Но уже ушли под лёд большегрузы новостей.
Дни становятся длинней, ожидания – короче,
Ветер скатывает в шар обеснеженную степь.

И в кольцо внутри неё замыкается дорога:
Сколь машину ни гони – всё трава да облака,
Ну и рощица насквозь, ну и речка-недотрога,
Позабывшая свои золотые берега...

Никого на встрече нет, чтобы мир уравновесить.
Но механик этих дел – в ржавой будке на посту,
И, тяжёлый небосвод подцепив за полумесяц,
Над гудящею землёй поднимает в высоту.

Помнишь номер цирковой, где в стальном плетёном шаре
Набирает скорость впрок маленький мотоциклист?
Так и здесь: в какой-то миг словно полюса разжали –
Небо, гулко задрожав, отошло куда-то вниз.

И остались только степь да расчерченная трасса,
Только рощица насквозь, только речка нараспах...
Только край не потерять и самим не потеряться
Там, где дымом и бедой мрак невиданный пропах.

Но в отделении света от тьмы
Ежемгновенно участвуем мы.

Искры плывут и дробятся волнами.
Жизнь – это всё, что случается с нами,
И остаются потом навсегда
Только Россия, любовь и беда.

Каждое сердце – открытая рана.
Каждый – колонна грядущего храма,
Каждый на грани любви и беды –
Свет, пробивающий толщу воды.

Как за Масленой мело, как пути переметало!
Неприметное село к ледяной Оби пристало.
Только крыши да дымок в месте этом незнакомом.
На реке стальной замок в цепи белые закован.

А на Маслену, небось, здесь цвели костры да шали,
Как заходит в избу гость – всё блинами угощали,
И морошка на меду в чашках писаных светилась,
И до проруби во льду солнце в саночках катилось.

Обь-река разоспалась, да уже пора к заботам –
Собирать сырую бязь по дорогам-огородам.
Сколь снегов ни полегло, а весне всё будет мало –
Так за Масленой мело, так над Масленой сияло!

Как много шелеста и плеска!
Слух не вмещает эту речь.
И тьма – всего лишь занавеска,
Которую легко совлечь.

За ней, за рамой деревянной,
За лёгким дребезгом стекла
Жизнь предстаёт простой и странной,
Какой ни разу не была:

В шипучих зарослях малины,
В бокалах яблоневых крон
Июнь налит до половины
И облаками забелён.

И запах – этот нежный запах,
Листвяный, знобкий, росяной –
Стоит до полудня как заводь
Перед излучиной речной...

А дальше светлая истома,
Дымок вечернего костра,
И жизнь всё так же незнакома
И ослепительно проста,

И рядом в тополиной роще
Уже почти не наяву
Ночной сквозняк во тьме полощет
Отяжелевшую листву...

Как чисто вымел ветер низовой
Под ивами всё золото былого!
Как мечется листва над головой,
В небытие сорваться не готова...

Как медлит в ней последнее тепло –
Уходит в ветви, утекает в корни,
Как солнце нынче дышит тяжело,
О прошлом и о будущем не помня!

Дай, Господи, под ветром низовым
Нам удержаться – мёртвым и живым!

Дай, Господи, отринув мерзкий страх,
Не надломиться на лихих ветрах,
Не заблудиться на путях лукавых!
Нет больше в мире правых и неправых,
Но кто в любви Твоей – пребудет прав.

Пустеют ивы, мечется листва,
Но бронзой наливаются слова,
И в них гудит могучая основа.
И не со свиста ветра низового –
Россия начинается со Слова,
В любви Твоей незыблемо права.

Когда у мрачной башни Вавилонской
Рассветной пробивается полоской
День завтрашний – он так смертельно ал,
Как будто здесь не раз уже бывал.
Как будто затупившимся ножом
Прорвали заскорузлый окоём –
И из прорехи выплеснулось пламя,
Края её неровные оплавя...

Когда стоит у Вавилонской башни,
Сомкнув щиты, безумный день вчерашний,
Зеркальное забрало опустив,
Когда угрюмый каменный мотив
Выстукивают по брусчатке берцы –
В огне зари уже иное сердце
Пульсирует, переплавляя плоть
Земли и неба, как велел Господь.

Когда встаёт над каменной грудой
День завтрашний, в него поверить трудно,
И кажется, что он недостижим –
Но мы уже сегодня в нём и с ним,
И он для нас сейчас уже реален,
Когда молчит над грудой развалин

Не покачивай плечами – не за горкою зима...
Ткани ветра и печали нынче в лавке задарма.
Осыпая лёгкий трепет, хоть на миг оборотись –
Ну кого зимой согреет этот призрачный батист?

Мимо леса, мимо города, и речки, и пруда
Ветер гонит волны холода неведомо куда.
И уже не встанет прежним индевелый травостой –
Но над храмом белоснежным лучик солнца золотой.

А зима в России долго – дольше жизни иногда.
Тонкой ледяной иголкой шьётся набело вода,
И, распахивая воздух, словно двери в новый дом,
Ты стоишь в лучах и звёздах, в изумленьи золотом...